

ВОЗМОЖЕН ЛИ «ЧИСТЫЙ» ГУМАНИЗМ КАК ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ?

Нужда и порядок: история социальной работы в России XX века / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой: Сб. науч. ст. — Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Изд-во «Научная книга», 2005. — 460 с.

Темой сборника стала история профессии, сфера которой была еще не определена в России XX в. В качестве камуфляжа социальной работы выступал и медицинский халат, и милицейская форма, социальная работа маскировалась в социальные одежды самых разнообразных институтов. В ситуации первоначального синкретизма социальной работы с другими помогающими профессиями в советской России функции соцработника возлагались и на медсестру, и на учителя, и на работника комитета по делам несовершеннолетних, от которых требовались и решение профессиональных задач, и забота, и политическое участие.

Для изучения истории социальной работы необходимо то, что психологи назвали бы гештальтом, а именно целостный образ этой сферы деятельности, некое сегодняшнее представление об этой профессии. Именно поэтому подход, представленный в сборнике (раздел I) на первый взгляд представляется усложненным — это не столько сама история социальной работы, уже готовая история для чтения, сколько методология и путь становления истории социальной работы. Авторы сразу отмечают важность социально-антропологического и гендерного видения вопроса (об этом читайте в статьях Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, Н. Пушкаревой). Особенно важно то, что через историю социальной работы удастся изучать фактически историю «народных классов» (П. Бёрк), что столь актуально для современной гуманистики. При изучении истории социальной работы авторы статей сборника решают попутно важную задачу: удовлетворить интерес современного читателя к жизни «не-элиты», «не героя» нашего и прошлого времени, к жизни «маленького человека», к социальному опыту униженных и оскорбленных, бедных людей, жизни которых и составляют основу социального мира. Например, только в связи с темой социальной поддержки солдаток возможно изучение социального статуса сельской женщины в России рубежа XIX — XX веков (статья Н. Пушкаревой и П. Щербинина). Можно по-разному относиться к тому, что происходит «на дне» социальной жизни. Для кого-то социальное дно — это некая изнанка бытия, досадное исключение из правил глянцевого фасада. Такая позиция была характерна для классиков модернизации, когда в качестве социального идеала выступал просвещенный город, нечто подобное слышно даже в знаменитых словах К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни». Однако для обществоведов сегодня именно социальное дно города и деревни должно предстать корневой системой общества. Это актуально и с позиций науки, и с позиций общечеловеческой озабоченности проблемой слабости, бедности и болезни («от суммы не зарекаться» — призывает поговорка, «не дай мне Бог сойти с ума», взывал Пушкин, и это близко каждому), а также жизненно необходимо в свете новой политики, которую проводит наше государство в социальной сфере.

Вопросы социальной политики сегодня открыто дискутируются не только в научных кругах. Современники уже не разделяют позицию революционеров-просветителей французской и российской версий о том, что болезни, нужда и слабость имеют исключительно социальную природу и в идеальном обществе не будет больниц и нищеты. Сегодня в нашем обществе социальная работа заняла свою законную институциональную нишу в сообществе профессий, благодаря чему рабочие места по праву получили субъекты, традиционно практиковавшие женскую «этику заботы» в качестве некоего «бесплатного приложения» к любой помогающей профессии в советской России.

Каков же наш образ социальной работы сегодня? Гештальт социальной работы хорошо задан в статье Д. Шульте. Учитывая не только западный, но и восточно-европейский опыт социальной работы, при всем различии православной традиции милосердия и протестантской традиции «наставления на путь истинный», автор выделяет 5 признаков и задач этой профессии. Это 1) профессиональное решение социальных проблем, 2) внедрение в общество модели гендерного плюрализма через вовлечение в профессию женщин, 3) борьба за права человека, 4) связь с общественными политическими движениями, 5) посредничество в урегулировании межкультурных конфликтов, а именно сокращение разрыва между богатыми и бедными, коренными жителями и мигрантами и т.п. История социальной работы демонстрирует как из надзирателя за социальным порядком в облике социальной гигиены или евгеники социальная политика все больше склоняется к исполнению миссии гуманизма. В свою очередь факторы изменения моделей социальной помощи (они описаны в статье М. Фирсова) трансформируются от достаточно жестких в прошлом (голод, депопуляция, эпидемии) к более мягким сегодня (межкультурные аспекты миграции, урбанизации и глобализации). Людям в конце XX в. нужна уже не только пища, но и психологическая помощь, которая сглаживала бы острые углы современного культурного общежития. Социальная работа сегодня мыслится не чем иным, как гуманитарной услугой, направленной на повышение качества жизни человека, сферой услуг, из которой по законам постмодерной экономики все чаще устраняется государство и куда приходит частный бизнес. Мы не удивляемся практике, когда высокая благотворительность вполне способна быть одновременно успешным бизнес-проектом (об американском прагматизме АРА, когда фактически шла и борьба с голодом, и решались проблемы американской экономики, можно прочитать в статьях Н. Решетовой и Р. Латыпова). Также нормально сегодня, когда частная управляющая компания выигрывает государственный тендер на право обслуживания и содержания тюрьмы (это пример Германии). Однако вопрос, заявленный на страницах сборника относительно функции социальной работы, все равно актуален: контроль или забота ставится во главу угла этой деятельности сегодня? Рука помощи в обществе протягивается, как правило, не просто так, а с определенным умыслом: соответствуй норме, будь христианином / лояльным режиму коммунистом / демократом и тогда получишь помощь. При этом в качестве социального пособия может выступать и выступала в СССР... зарплата, как показано в статье Ю. Морозовой о государственной политике в области женской занятости, в соответствии с которой работу получала не самая квалифицированная и способная, а самая нуждающаяся женщина. Очень ярко роль идеологии проявляется в практиках социального воспитания и поддержки сирот (об этом — статьи Т. Дороховой, М. Головизиной, Е. Червоненко). О гуманитарной помощи АРА также высказываются противоположные суждения. В ней можно увидеть и пример простого гуманизма, помощь не большевикам, но голодающим людям (этой позиции придерживаются авторы статей в сборнике), но можно интерпретировать эту помощь в терминах PR-акции, пропаганды западных ценностей, когда банка тушенки — это не просто пища, но и символический продукт, настоящая винтовка холодной войны. Наконец, доступ к власти дает элементарный доступ к распределению ресурсов: о случаях злоупотреблений со стороны руководителей собесов, описанных в свое время еще авторами «Двенадцати стульев», читаем в материалах О. Шиловой. Связь социальной помощи с политическим режимом давала возможность таких злоупотреблений.

Но существует ли в социальной политике «гуманизм ради гуманизма», бескорыстная, абстрактная любовь к человеку? Может ли социальная работа быть вне идеологии и политики, вестись только во имя общественного порядка и принципа человеколюбия, как предполагается в постмодерном обществе? А именно эти принципы, на мой взгляд, и составляют современную концепцию социальной работы, идеал адресной социальной помощи. Или социальная работа так и осталась полем политической борьбы, когда до сих пор продолжают разыгрываться «шпионские скандалы» вокруг гуманитарных фондов и

заметны подозрительные взгляды в сторону НКО, существующих на «западные» деньги? Неужели без идеологических коннотаций социальная помощь осуществляться не сможет в принципе? Например, без оценки проституции как «разврата», добровольного, а не вынужденного занятия, приюты в системе призрения падших женщин, описанные в статье М. Муравьевой, могут трансформироваться просто в «дома ветеранов секса», что и происходит в развитых странах сегодня при тотальной толерантности социальных служб. Можно, конечно, сместить проблему в другую плоскость: нехватки и распределения ресурсов, ведь не секрет, что в богатом обществе — богатые нищие. Только обеспеченное общество может себе позволить роскошь гуманизма для всех, гуманизма, который способен охватить не только «правильных» людей, и не только людей, нуждающихся в помощи, но даже и «братьев наших меньших». Возможен ли «чистый» гуманизм как принцип социальной работы?

Историческое знание зависит от его социальных целей — эта мысль проходит стержнем сборника. В зеркале истории социальной работы читатель увидит себя: ценителя методологии М. Фуко и феминистской тенденции везде видеть репрессивную политику по отношению к женщине, себя, пытающегося отказаться от ценностного суждения, провоцируя этим ...неизбежную современную оценку нашего исторического прошлого. Сборник «Нужда и порядок...» представляет собой полезный и благодарный труд по новейшей истории России, а также по исследованию столь необходимой сегодня и благородной профессии социального работника.